

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПАМЯТЬ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН:
РОССИЯ И ЗАПАД, XX—XXI ВВ.»
г. МОСКВА**

**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Школа философии
21—22 ноября 2019 г.**

Вряд ли дискуссионен вопрос о том, что проблематизация памяти как историко-культурного феномена сегодня весьма актуальна, поскольку память оказывается важнейшим среди других факторов средством выстроить, осознать и обнаружить со стороны идентичность как индивида, так и сообщества любого уровня организации и степени сложности, начиная от индивидуального носителя памяти, представителя семьи, затем самой семьи, клана, специализированного коллектива, народа, нации, государства и др. Вместе с тем такое явление, как память, имеет множество аспектов: она может быть индивидуальной, семейной, коллективной, народной, культурной и др. На ее формирование влияют как идеалы и идеологии, так и травмы, нанесенные индивиду и сообществу. Весьма интересны феномены забвения, мифологизации и ремифологизации, протекающие в реальном историческом времени, причем все эти процессы связаны с построением, конструированием образов как прошлого, так и будущего. В сегодняшнем обществе наблюдается конфликт, если не война, памятей, и это может послужить соблазном для исследователей и увести в сторону от теоретизирования, а следовательно, осмысления и обобщений — увы, так зачастую и происходит. Однако только наука может обеспечить рационально-критическое отношение к опыту прошлого, проанализировав триаду, характеризующую современность: память — идентичность — травма. Поэтому оргкомитет конференции приложил все усилия, чтобы избежать политизированности тематики, при этом усилив другой контекст — собственно философский и культурный.

Недаром в первом же прозвучавшем докладе «Просветительская» и «романтическая» модели культурной памяти в контексте современного противостояния Запада и России» *И. И. Евлампиева* акцент был сделан на «романтической модели» как порождающей культуру, которая, в свою очередь, расширяет пространство свободы человека и общества, в то время как «просветительская модель» способна лишь питать гегемонию. Когда культурно-«романтические» тенденции ослабевают, а «просветительские» демон-

стрируют несостоятельность, наступают так называемые «пустые периоды», характеризующиеся кризисом, нестабильностью, распадом цивилизации, о которых говорил *С. Каприо* в докладе «Периодизация и синтез истории Европы и России в XX в.». Периодизация, подчеркнул он, есть процесс, происходящий в памяти и служащий для придания фактам мыслимости. Сегодня происходит переосмысление прежних периодизаций в связи с необходимостью осмыслить, где, в какой фазе развития находится человечество в данный момент. Объективно Возрождение не уничтожает христианство, как и христианство не уничтожает Античность, наследие остается; однако есть периоды, аналогичные мезолиту — эта эпоха не хранит следов человеческой деятельности. Таковой может оказаться и наша при всей условности сравнения. В любом случае необходимо открыть нашу память истории культуры, только тогда мы сохраним старое, не противопоставляя его новому, и выработаем новую модель. При этом надо понимать, что начинается новая цивилизация, прежде всего с точки зрения орудий труда: человек с экраном смартфона, живущий в виртуальной реальности — это ближайшая ступень к человеку-машине. Однако преемственность необходима и в данном случае, поскольку история человечества едина.

Память, как подчеркнула *И. Ю. Матвеева* в докладе «Соотношение сверхчеловеческого, родового и индивидуального в культурной памяти (Память в русской религиозной философии: П. Чаадаев, Л. Толстой, Л. Карсавин)» может иметь только и исключительно культурную природу. Так реализуется связь человека и общества, времени как продолжительности жизни и времени как эпохи. Конечно, воспоминание есть движение воли, и мы помним то, что желаем помнить. Однако образы прошлого помогают выстроить образы будущего. Объективно время — возможность для человека приобщиться к общему, беспредельному, о чем писал П. Я. Чаадаев, вновь и вновь повторявший, что человек не есть ограниченный индивид. Для Л. Н. Толстого время жизни означало непрерывный процесс становления собственной личности при понимании, что живет не «он», а Дух Божий в нем. Единство духовной жизни человека обеспечивается памятью и тем, как субъект понимает себя в том, что считает своими воспоминаниями. В этом смысле полезным когнитивным инструментом могут оказаться архетипы, о которых говорила *А. Ю. Большакова* в докладе «Генетический код культуры и архетипы». Архетипы в данном случае не только запечатленные в художественных образах психические реакции, имеющие непреходящее значение для жизни человека (К. Г. Юнг), но и сформировавшиеся и актуализированные в творчестве и культурно наследуемые модели мировосприятия. Докладчица подчеркнула, что правомерность введения в современную гуманитарную науку понятия «архетип» и соответствующего термина

дискуссионна. В докладе А. А. Гириного «Трансформация исторической памяти. 1990-е годы — от империи к национальному государству» подчеркивалось, что в России 1990-х гг. переход от плановой экономики к рыночной, от тоталитаризма к демократии, от империи к национальному государству привел ко всеобщему разочарованию (так называемая «травма 90-х»). Современная Россия, подчеркнул докладчик, не стала ни имперским, ни национальным государством. Налицо сохранение имперского мышления элит с формальным поддержанием институтов, соответствующих формам национального государства. Это, безусловно, влияет на сложно складывающуюся идентичность.

Однако построение идентичности не должно зависеть от политического курса и государственного статуса. Философия давно нашла свой путь, и это межкультурный диалог. В истории русской философии сравнительно редки случаи прямого диалога между отечественными и западными философами, и в докладе *Т. Н. Резвых* «“Память сердца”: заметки С. Франка на полях книги Л. Бинсвангера “Основные формы человеческого бытия” (1942)» анализировалась как раз такая ситуация. Принадлежа к клану психиатров-учеников З. Фрейда, Бинсвангер разрабатывал методологию даэин-анализа как сочетания психиатрии, антропологии и философии. Для него целью психиатрии стало раскрытие условий для развития человеческой личности. Известно при этом, что работа С. Л. Франка «Непостижимое» (немецкая версия 1938 г.) оказала воздействие на направление мысли Бинсвангера в последующие годы, хотя свою онтологию Бинсвангер разработал ранее и использовал ряд положений, высказанных Франком, в построении гносеологии (наряду с положениями Плотина и Г. Ф. Гегеля). Категории «ты» и «мы», «тыйности» и «мыйности», присутствия, заботы, длительности, бытия любви как единства трансценденции — все эти положения осмысливались психиатром с учетом концепций Франка, подчеркивавшего, что родина души — непостижимое, а глубинной основой бытия человека является Бог. Исследовательница отметила общую у Франка и Бинсвангера образность. Иной аспект диалогичности в контексте проблемы памяти рассмотрела *М. А. Пилюгина* в докладе «Исследования исторической памяти: между политической памяти и исторической эпистемологией», констатируя, что апелляция к чужому сознанию оказывается одним из инструментов конструирования прошлого. Изучение индивида и далее коллективных структур, невозможность восприятия без воспоминаний, конвенциональные системы как необходимое условие для наличия и развития социальной жизни и мышления, наконец, образы коллективных воспоминаний и их смыслы, существующие в рамках, которые определяются коллективной памятью — вот несколько сторон изучаемой проблемы. Обращаясь к коллективному субъекту через индивида, исследователи всякий раз обнаруживают ценностно нагруженный нарратив, сводящий-

ся к решению проблемы идентичности. Важнейшим оказывается здесь вопрос о том, кто такой коллективный субъект исторической памяти. Решение этого вопроса, как показал доклад *Б. Л. Хавкина* «“Особые пути” России и Германии и их отражение в зеркале немецкой и русской культуры памяти», весьма актуально в странах, имеющих уникальные, но вместе с тем и схожие судьбы, включающие переживание национальной катастрофы. История взаимоотношений Германии и России изобилует фактами как притяжения, так и отталкивания, как на уровне событий (революции 1917 и 1918 гг.), так и на уровне идеологий (национал-социализм и большевизм) и даже конституирующих метафор (испорченная кровь, отравленная душа и др.). Недаром *Ф. М. Достоевский* — один из любимых русских писателей в Германии. Одинаково сильна для обеих стран опасность забвения нежелательного прошлого, приводящая к последующему оправданию нежелательных событий. Вместе с тем процесс преодоления прошлого не закончен ни в одной стране, хотя в нашей при наличии «своего Освенцима» не имел место «свой Нюрнберг». Что же касается истории немецкой и советской культуры, то здесь, как показала *А. О. Лепетюхина* в докладе «Формирование и закрепление в культурной памяти стереотипа “Ницше — предтеча фашизма”», возникли стереотипы, определенным образом повлиявшие на рецепцию важнейших явлений, среди которых наследие *Ф. Ницше*. Влияние *Ницше* на последующую философскую и политическую мысль сложно переоценить. Интерпретация его философии закладывалась западными и советскими авторами лево-марксистской ориентации, и потому учение *Ницше* понималось как «аристократическое», «буржуазное» по духу, формировалось критическое отношение к нему. *Л. Д. Троцкий* прямо называл его «противником» и «соперником», т.к. философия *Ницше* взяли на вооружение силы эксплуатации. Большевик *А. В. Луначарский* занимал противоположную позицию, отдавая ему дань восторга за борьбу с христианством, мещанской моралью, беззубием пацифизма толстовских гуманистов и сентименталистов. В 1930-е гг. целый ряд авторов публиковали тексты, посвященные различным аспектам философии *Ницше*. Публикационная активность носила политический характер. *Г. Лукач* обвинял *Ницше* в «романтической» критике капитализма, упускающей, по его мнению, важные социально-исторические причины кризиса капиталистической формы хозяйства. Однако *Лукач* отмечал и положительные стороны ницшеанства как «критического» философского проекта: философу удалось описать механизмы капиталистического «отчуждения», показать деградацию личности, происходящую в системе капиталистических отношений. В книге *С. Ф. Одуева* «Тропами Заратустры» выражено официальное отношение советского государства к ницшеанству: *Ницше* отразил в своих работах кризис буржуазного духа, этими особенностями умело воспользовался немецкий фашизм. Другой советский

автор, Б. М. Бернардинер, указал на прямые совпадения ключевых положений ницшеанской философии и расовых теорий, легших в основу нацизма. В западном марксизме в работах представителей Франкфуртской школы трудно обозначить однозначное отношение к философии Ницше. С одной стороны, именно франкфуртцам, в первую очередь, Т. Адорно, принадлежит знаменитая идеологическая триада «Вагнер — Ницше — Гитлер». С другой стороны, тот же Адорно и М. Хоркхаймер в работе «Диалектика просвещения» отдали должное Ницше за повторную рефлексию Просвещения («Генеалогия морали»). Ницше представляет для них образец «тотализирующей критики» и главного популяризатора «анти-Просвещения». А. Боймлер, политически ангажированный мыслитель, сосредоточился на таких моментах, как борьба, подчинение, новый способ утверждения справедливости. Интерпретация Боймлера выстроена на философской почве: он не выступает только идеологом нацизма, но для него и метафизика воли к власти политична. Лево-марксистская традиция, а также деятельность отдельных идеологов национал-социализма закрепили в памяти людей стереотип, который сформировался вокруг философии Ницше. Мы видим, как политические события и борьба идеологий могут оформить стереотип, основанный на заинтересованности отдельных политически ангажированных мыслителей. Авторы лево-марксистской ориентации в критике Ницше ориентировались на положения философии Ницше и идеологии фашизма, похожие на первый взгляд, и тем самым обвинили Ницше как его предвестника. Идеологи национал-социализма обратились к наиболее непроясненным моментам философии Ницше, которые оказалось легко интерпретировать в «нужном» ключе.

Вести разговор о памяти с точки зрения философии, а не истории, предложила *Н. З. Бросова* в докладе «Власть памяти или подвластная память. Коллизии XX века». Она акцентировала внимание на том, что воспоминания настолько же создают нас, насколько мы их. Еще школа «Анналов» привлекла особое внимание к феномену повседневности, что активизировало внимание философов и психологов. Можно выделить несколько векторов осмысления памяти: это 1) разноуровневость социальных групп общества и разнообразие интерпретаций, проблематизирующие память общества; 2) подчеркнута объективная позиция научной памяти, создающей научный нарративом; 3) мифологичность и неисторичность образов памяти. Поскольку социальная память тесно связана с феноменом идентичности, постольку социальные структуры и группы, занимающиеся конструированием научной истории, целенаправленно создают образы прошлого, которые оказывают воздействие на современников.

В плане поиска национальной идентичности интересен анализ процессов, происходящих в Украине, как показал доклад *Г. Е. Аляева* «Пути и перепутья

историко-философской памяти: опыт Украины». Отказываясь от генетической связи с русской культурой в целом и философии в частности, современные украинские философы выводят свою родословную из европейских корней, что порой приводит к курьезным результатам, родственным научному потенциалу одиозных «Велесовой книги» и «Новой хронологии».

Историософский и культурный аспекты явления в неразрывном единстве стали предметом анализа в докладе *Р. Темпеста* «Солженицын как исследователь русской памяти». Для исследователя важны порыв писателя к истине, его способность мыслить крупномасштабными событиями и апеллировать к воспоминанию как акту реконструкции подлинности. Поскольку речь идет о русском писателе, пережившем драматический опыт, в котором слито переживание социальных процессов в целой стране и в собственной жизни, постольку рассуждения Солженицына основываются на анализе болевых пунктов российской и советской истории. В известном смысле ответом на вопросы, поставленные в докладе Темпеста, послужило выступление *Е. И. Хан* «Феноменология памяти П. Рикёра: *ars memoriae*, раненая память, идеологизированная память, память-долг», в котором все эти разновидности получили объяснение. Рикёр говорил о соотношении индивидуальной и коллективной памяти как о диалектическом движении. Феноменология, разработанная Рикёром, основывалась на соответствующих положениях как античных философов (Платон и Аристотель), так и на учении Э. Гуссерля. Опираясь такими понятиями, как *memento*, *anamnesis*, *ars memoriae* и др., исследовательница проводила анализ положений Рикёра и интерпретировала их. Так, философ говорил о раненой памяти сообщества и народа по аналогии с психоаналитическим сбоем в памяти индивида в результате травмы или потери. В социуме раненая память есть опыт, связанный с утратой власти, идентичности, территории, с демографической нестабильностью. Манипулирующая память рассчитана на удержание идеологемы, вопрос о моральном смысле оказывается вторичным. Память-долг, напротив, предполагает высокую степень ответственности субъекта (вне зависимости от его характера) за его действия и актуализирует этический аспект. *Ф. А. Гайда* говорил об еще одном виде памяти — деятельной (доклад «Кадеты и осмысление катастроф XX века: деятельная память»). В известном смысле память-долг побудила в свое время А. Д. Синявского обратиться на путь диссидентства, как утверждала *В. В. Калмыкова* в докладе «Текст, не написанный Синявским, или «Апология сумасшедшего» наизнанку»: одной из причин стали изменения в сознании его отца, попавшего в заключение по обвинению в антисоветской деятельности. Свидетельство очевидца процесса становления и крушения советской системы в Венгрии прозвучало в докладе *Г. Далоша* «30 лет спустя: память индивидуальная и память общественная». Познакомив участников фору-

ма с некоторыми страницами собственной диссидентской биографии, Далош отметил, что советская идеология приходила в Венгрию из СССР, который как форма государственности исчерпал все ресурсы веры в собственную правомерность. Интервенция коммунистической партии сделала капитализм возможным. Власти не могли интегрировать народы, объявлявшиеся «братскими» несмотря ни на какие государственные декларации.

Закономерно, что значительный блок выступлений на конференции был специально посвящен культуре как области осуществления памяти. Искусство, как подчеркнул *П. С. Бычков* в докладе «Память и европейское изобразительное искусство до Нового времени: историография и методология в работах историков XX века», неотъемлемо от социальной памяти, и следует изучить сложную сеть идеалов, питавших художников любой эпохи, чтобы понять смысл их обращения к современникам и потомкам. В согласии с этим тезисом *Т. Ю. Сидорина* в докладе «Музыка как документ эпохи» заострила внимание собравшихся, во-первых, на обращение в песенных жанрах к событиям прошлого, во-вторых — на возникновение мемориальных жанров (реквием, плач, посвящение, триумфальный марш и др.). Так, формой памяти была батальная симфония *Л. Бетховена* «Победа Веллингтона, или Битва при Виттории» (1813). Средством создания образа английского оружия стали мотивы гимнов «Правь, Британия» и «Боже, храни короля», тогда как французского — «Мальбрук в поход собрался», в чем проявилось снижение жанра, поскольку в качестве врага англичан здесь выступает не французский народ, а Наполеон. Аналогичным по пафосу произведением стала торжественная увертюра «1812 год» *П. И. Чайковского* (премьера в 1882 г.). «Документы эпохи» меж тем бывают совершенно различными по эмоциональности, пафосу и социальной направленности. Так, в докладе *И. Г. Галковой* «Рисунки заключенных ГУЛАГа и рисунки-воспоминания о ГУЛАГе. Особенности визуальной репрезентации лагерной памяти» были проанализированы изобразительные материалы, хранящиеся в фондах музея Международного Мемориала. Докладчицу интересовал способ фиксации «раненой памяти». Демонстрируя работы художников, сделанные как непосредственно в заключении, так и после него, она отмечала, что таким способом художник или фиксировал события и особенно сильные впечатления от лагерного быта, или обращался к пережитой драме с целью манифестации человеческого страдания. Так, ярким примером обоих подходов оказывается творчество *Михаила Мороза*, подростком попавшего в ГУЛАГ, затем вернувшегося, получившего художественное образование и в 1970-е гг. эмигрировавшего. Полудетские рисунки, сделанные непосредственно в месте заключения, и более поздние иллюстрации к книге *Семёна Крапивского* «Трижды рожденный», стилистически отличаются друг от друга, поскольку работа над темой

ГУЛАГа шла под знаком образного осмысления Катастрофы, что было бы невозможно в советской культуре. Галкова отметила, что деятельность Мороза в качестве советского художника лишила его искренности, непосредственности, «испортила» сам инструмент художественного высказывания.

Однако было бы серьезной ошибкой утверждать, что советский художественный опыт всегда и во всех проявлениях вел только к искажению правды и, соответственно, памяти. В фокусе внимания *О. Д. Баженовой* («Города памяти: Хатынь в Белоруссии») оказался мемориальный комплекс «Хатынь», воздвигнутый в 1968–1969 гг. на месте сожженной нацистами белорусской деревни. Баженова отметила, что создание комплекса, инициированное в 1966 г. П. М. Машеровым, стало процессом конструирования памяти о войне. Роль изобразительно-выразительного элемента здесь оказалась так же высока, как и собственно архитектурно-инженерное пространственное решение ансамбля. Совершенно с другой точки зрения об осмыслении советского опыта говорила *К. Пьералли* в докладе «Отражение советских репрессий в итальянской и французских культурах: проблемы и пути реконструкции комплексной европейской памяти». Будучи одним из авторов исследования «*Lo Specchio del GULAG in Francia e in Italia*», Пьералли отметила целый ряд случаев информационных искажений, свойственных западной концепции массовых репрессий в СССР. Она перечислила эти искажающие культурные парадигмы: 1) массовые репрессии суть внеевропейский феномен, 2) они уникальны для России, 2) циркуляция целого ряда мифов на Западе, 4) преемственность сталинских репрессий с царскими. В мифотворчестве по поводу ГУЛАГа определяющей становится понимание России как восточной, а не западной державы. Однако *И. В. Сталин* не был восточным деспотом. Относя сталинские репрессии за кулисы европейской совести, западные исследователи мыслят в искаженной перспективе. Далее были приведены аналогичные процессы из европейского опыта, в их числе политика против буров в Южной Африке, лагеря эпохи Первой мировой войны и др. Далее Пьералли привела научные источники, на которых основано исследование. Серьезным подтверждением справедливости ее точки зрения о близости советского и европейского тоталитарного опыта стал доклад *В. К. Кантора* и *М. С. Киселевой* «*Umgebung von Berlin. Lager. Место и время*» о нацистском трудовом лагере, функционировавшем во время Второй мировой войны. Доказательством тождества лагерной системы стал обширный иллюстративный материал, как исторический, так и мемориальный. В докладе прозвучала важная и конституирующая в контексте конференции тема музеефикации мест, связанных с раненой памятью. Чрезвычайно важно, что целый ряд европейских ученых поднимают вопрос о соотношении российского опыта с западным, считая обе области близкими и взаимодействующими, а не отдельными. Эта тема поднималась в докладе *Л. Люкса*

«Был ли национал-социализм уникальным явлением? К спорам вокруг идей берлинского историка Эрнста Нольте».

Если говорить о способе выражения идеи тоталитаризма в области искусства, то следует констатировать, что оно проявилось прежде всего в архитектуре. Архитектуру, исполненную в стилистике социалистического реализма в странах социалистического лагеря, можно рассматривать с разных точек зрения, как показал доклад *А. Г. Вяземцевой* «Архитектура тоталитарного периода и современная историческая память: “difficult heritage” в эпоху капиталистической глобализации». «Трудным» наследие стало потому, что интерпретировать его непросто, ибо оно связано с периодом, на национальном уровне нередко ассоциирующимся если не прямо с рабством, то, во всяком случае, несвободой. Как и Пьералли, Вяземцева подчеркнула, что тоталитарный режим для одних наций есть по восприятию и кодировке в памяти то же, что колониальный — для других. В докладе параллельно с основной проблемой поднят целый ряд других, не менее важных вопросов, в частности, об архитектуре 1930–1950-х гг., которая далеко не во всех случаях квалифицируется как культурное наследие, обязательное к сохранению и музеефикации. Так что, с одной стороны, не объявленные памятниками архитектуры здания, представляющие собой явную ценность, могут быть снесены по сторонним причинам, а с другой — уничтожены как вызывающие негативные ассоциации. К тому же, научное осмысление искусства тоталитарных эпох происходит медленно и избирательно. Существует путь реконструкции зданий с сохранением их специфики, но одновременно с внесением элементов, позволяющих им функционировать в соответствии с новым предназначением. О семантике сноса памятников говорила и *Н. Дробот* в докладе «“Сфуматизация” искусства последних десятилетий на территории восточно-европейских стран», имея в виду под сфуматизацией нивелировку, распыление, размывание памяти.

Хотя о разрушении «трудного наследия» говорят в мире повсеместно, в России, как утверждала *Д. О. Хлевнюк* в докладе «Российские музеи о советских репрессиях и “травмы 90-х”: правозащитное движение, ностальгия и национализм», не спадает волна музеефикации объектов, связанных с травмами прошлого. Причем имеется в виду не только глобальный сюжет, связанный со сталинскими репрессиями, но и тот, который докладчица обозначила как «травму 90-х». Действительно, 1990-е годы для нашей страны стали периодом ломки уклада, в котором родились и выросли несколько поколений наших сограждан, и поскольку он является частью личной памяти каждого, не многие готовы его пересматривать, отказываясь от прошлых завоеваний и достижений. Повсеместно создаются и развиваются музеи, посвященные тому или иному травматичному периоду. Однако сегодня разговор зачастую ведется не о репрессиях,

но как раз о втором из названных периодов, ставших историей. В связи с этим докладчица выделила три феномена, характеризующих эпоху: 1) толчок к возникновению правозащитного движения «Мемориал» (с конца 1980-х) как проработка «трудной памяти»; 2) рост националистических движений в регионах бывшего СССР; 3) ностальгия по СССР. Информация в новых музеях подается с той точки зрения, которая близка их создателям, решающим, о чем «можно» и «нужно», а о чем «нельзя» говорить. Невыполненные «обещания 90-х» заставляют память работать на фиксацию «прекрасного прошлого».

Разрушение прошлого, точнее, представлений о прошлом, которые воспринимаются не как проекция, но как сами по себе нечто подлинное и ценное, каким бы ни был объект внутренней «коммеморации» субъекта, воспринимается трагически. Об этом рассказал П. А. Отдельнов в докладе «Арт-проект “Промзона”: история семьи как часть истории страны», взяв за основу историю собственной семьи, происходящей из г. Дзержинска, где несколько поколений работали на химзаводе.

Итак, культура конституирует значительные события как исторические — об этом говорила Л. П. Репина в докладе «События-символы “общего прошлого” в парадигме “истории-памяти”». Маркировка события как исторического обусловлена принадлежностью автора к той или иной общности и парадигме. При доминирующем едином взгляде происходит процесс мифологизации. Многоуровневая конституализация, осуществляемая авторитетной инстанцией, способствует появлению модели репрезентации важных значимых событий, служащей возникновению коллективной идентичности. В этом контексте важна периодизация национальной истории. При формировании идентичности важно, что не только представления о прошлом меняются, но и само прошлое «изобретается», причем с целью формирования воображаемого будущего. Каким эпизодами истории должен гордиться человек? Образ этих событий, очевидно, расходится с реальностью, и отсюда берет начало процесс накопления реальных и символических обид. Здесь имеет значение национальная историографическая традиция, а также способ, которым в иных случаях исполняется «великая сага» о национальной истории. Образ национального прошлого в форме государственного нарратива создается с помощью стратегии умолчания, логика может быть нарушена. Определенные пласты памяти в отдельно взятые эпохи как блокируются, так и педалируются. Но в любом случае это всегда диалог со временем. Репина представила собравшимся коллективную монографию «Событие и время в европейской исторической культуре XVI — начале XX века» (М.: Аквилон, 2018).

Однако важную роль играют не только интерпретации реальных событий, но и их неслучившиеся версии и альтернативы, о чем говорил А. А. Кара-Мурза в докладе «“Память о неслучившемся” как фактор национального сознания (Россия

и Европа)». Докладчик подчеркнул, что в отличие от истории, не знающей сослагательного наклонения, философия истории не просто знает, но и изучает его, поскольку весь комплекс явлений и процессов, составляющий непроизошедшее событие, также входит в национальную память. Цитируя Вяч. И. Иванова: «Зачалось и быть могло, но стать не возмогло», — Кара-Мурза подчеркнул, что поэзия философичнее истории. Работа Ф. А. Степуна «Бывшее и несбывшееся» посвящена, по сути, двум пластам — временному и вечному. Память и воспоминание не тождественны; так, например, представители русской эмиграции зачастую были лишены личных воспоминаний, а общая память базировалась на общей травме. Любая политическая субкультура картографирует родовые травмы. И в общественно-политическом контексте также оказываются важны культурные аспекты. Они были актуализованы в докладе О. А. Жуковой «Русская философия в интеллектуальной культуре современной России: рецепция наследия». Подчеркивалось, что в настоящее время возникает, несмотря ни на что, возможность специфического типа русского философствования — религиозного. Может быть предпринят опыт написания истории русской мысли, проанализировано такое явление, как русский европеизм. Демонтаж предыдущей ценностной системы открывает путь к воссозданию метафизического типа научного мышления.

О формах хранения памяти в культуре говорилось много, назывались традиционные жанры как в музыке, так и в изобразительном искусстве и словесности. М. М. Шахнович в докладе «Библиографический указатель как “культурный мемориал”: указатель “Антирелигиозная литература за 12 лет” (Москва, 1929) в оптике XXI века» предложила присоединить к перечню жанров и тот, к которому принадлежит указанное издание. Культурный мемориал, с ее точки зрения, есть любой объект, с помощью которого реконструируется прошлое, и вещное воплощение памяти означает не меньше, чем та информация, которую содержит носитель. В этом смысле интересен библиографический указатель, составленный Я. М. Гольманом (псевд. Я. Глан) (1894–1970). Изучение этого источника позволяет утверждать, что автор принадлежал к тем, кто в разгар антирелигиозной пропаганды изучал религию, а не выполнял идеологический заказ на ее уничтожение.

Конструирование памяти опирается, конечно, не только на опубликованные источники, но и на архивы. В докладе Т. В. Чумаковой «Память о религиозной жизни Петрограда в воспоминаниях современников» были проанализированы архивные материалы, связанные с деятельностью известного византиста, историка церковного права В. Н. Бенешевича (репрессирован в 1938 г.), помогающие реконструировать религиозную жизнь периода 1917–1920 гг. (Архив РАН в Санкт-Петербурге). В архиве Бенешевича хранятся копии писем церковных деятелей, анонимные рукописи, касающиеся церковных реформ, взаи-

моотношений верующих и духовных властей. Интересно, что Бенешевич, как и упомянутый выше Гольман, не был религиозным человеком, но стремился понять принципы устройства и организации Церкви. Анализ сохранившихся бумаг позволяет глубже понять сущность церковных реформ указанного периода, зарождение обновленческого движения, автокефалию Грузинской церкви, отношения между официальной религиозной политикой в пореволюционной России и интеллигенцией. Самому Бенешевичу были близки идеи нового приходского правления с более значительной ролью мирян и мечты сделать приход похожим на раннехристианскую общину.

История русской Церкви и верующих в годы Советской власти — отдельная, хотя и не самостоятельная область национальной памяти. В докладе С. С. Бычкова «Российские новомученики XX столетия в XXI веке: память и беспамятство» говорилось о людях, пострадавших в годы тоталитаризма, но продолжавших, если они оставались живы, вести церковную жизнь, начиная от Патриарха Тихона и заканчивая отцом Александром Менем. В 2000 г. к лику святых было причислено 1500 человек, за последние годы — только десятеро. Налицо утрата интереса к новомученикам, а значит, их духовному наследию.

Статистические данные могут стать свидетельством формирования памяти и общественного мнения по вопросам осмысления прошлого. В докладе Д. Савино «Монументальная память Первой мировой войны в России: некоторые исследовательские заметки» приведены данные опросов, касавшихся обозначенного периода. На вопрос, какие художественные произведения обеспечили знание о Первой мировой войне, в 2014 г. отвечали так: фильм С. М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”», романы Л. Н. Толстого «Война и мир», М. А. Шолохова «Тихий Дон». В том же году 34 % респондентов считали, что Россия выиграла Первую мировую (в 2018 г. — 49 %). По данным ВЦИОМ, 51 % опрошенных считают, что Россия выиграла бы войну, если бы не революция (40 % в 2015 г.). Количество уверенных в необходимости участия России в Первой мировой (42 %) сегодня перевешивает (противников 36 %). Четыре года назад соотношение было обратным. Первый крупный российский публичный памятник Первой мировой был открыт в 1916 г. в Вязьме. Он стал также и последним крупным памятником и был разрушен в 1920 г. В боевых зонах солдаты построили много небольших неформальных мемориалов, чтобы отметить братские и индивидуальные могилы. В 1914 г. «Огонек» опубликовал изображения захоронений, а в более поздних выпусках находим фотографии различных памятников, от скромных до крупных.

Еще раз подчеркнем: прошедший форум показал, насколько глубоко укоренена проблема памяти в современной культуре и как важно теоретическое осмысление связанных с ним явлений.